

Бег по гаммам

К двадцатипятилетию студии "Человек"

Труппа театра-студии "Человек"

Культура. — 2000.

Пытаюсь считать эпохи, что минули с 1974 года, — именно тогда вышел их первый спектакль с каламбурным, как оказалось, названием — "Человек, победивший смерть". Эпох минуло, пожалуй, штук пять (если считать генсеков по головам), вот и шестая бодро разворачивается на марше, делая очередной общественный зигзаг. А "Человек" стоит, как блиндаж, вросший в землю, как памятник театральному мужеству. И стеклянная витринка у театра цела, и на афише, как прежде, будто от руки начертано главное слово — че-ло-вак. И внутри все, как прежде, в этой постройке 1802 года, однажды из конюшни переделанной в агитпункт, а после из агитпункта превращенной в зрительный зал на 60 мест, — свои люди и свой театр. И народу набивается раза в полтора больше, чем позволяет пожарник, и в крошечном фойе, как всегда, смерть сердечникам: душегубка — ни вздохнуть, ни выдохнуть. И крыша вот уж сколько лет едет и едет — если бы в переносном! — в прямом смысле слова! Но это никого не пугает и никому не портит впечатление. Потому что независимо от потопов, лутча, дефолта, наводнения или урагана, всякий раз в этих стенах вас посещает удивление и, волею цитируя Фернандо Аррабала (его "Молитва" шла в "Человеке"), творчество приходит к вам, как приключение.

В "Человеке" всегда жили так, как хотели. Бедно, но счастливо. Тесно, но весело. Молодо и насыщенно. Мужественно. Гордо. Умно. Свободно. "Группово", компаней. Жили, читая несвоевременные тексты (Ружевич, Мрожек, Петрушевская, Аррабаль, Бонавентура), строя из них несвоевременный репертуар и воплощая тем самым несвоевременные мысли. "Человеков", наверное, уже поколений три, и каждому есть что вспомнить. Студия знала всякие времена: и самодельные, и профессиональные (от "Театральных игр в Лефортово" до Мрожек-фестиваля в Кракове...). И запретные властью спектакли здесь были ("Владимир Маяковский", "В открытом море" Мрожека, "Картошка" Ружевича, "Рекавием для губной гармоники" Ветемаа), и нелегальное положение в начале и официальное признание в конце 80-х, и триумфальные гастроли чуть ли не по всему миру в 90-х тоже были (вся Европа, США, Аргентина, Венесуэла...). И мода на "Человека" была. Помню, как каждому приехавшему в Москву театру объясняли, что не пойти в "Человеке" — неприлично. Были у театра и свои собственные театральные эпохи, связанные с легендарными спектаклями — "Стриптизом" Людмилы Рошковой, "Эмигрантами" Михаила Мокеева, "Чинзано" Романа Козака, "Панночкой" Сергея Женовача. Именно в "Человеке" трое последних заявили себя лидерами нового режиссерского поколения, именно за работы в "Человеке" театральный молодежь возвала их имена в ранг чуть ли не культовых. "Человек" первым обратил внимание критиков и зрителей на Александра Феклистового и Сергея Качанова, Валерия Гаркалина и Ирину Розанову, Сергея Тарамаева и Игоря Золотовицкого, Камий Кайоль из Табакерки, Дмитрия Лямочкина из "Сатирикона", Владислава Демченко из Театра Р. Симонова, Алексея Агапова из "Сферы"... Биография "Человека" добавля-

ет мужества оптимистам, которые рвутся к славе, не правда ли? Но тем, кто разочаровался в профессии или своем театре, кто перестал верить, что увидит небо в алмазах, "Человек" тоже поможет: либо даст шанс сыграть, поставит, как было уже не раз, либо позволит расти с иллюзиями не слишком болезненно. История "Человека" — это история о том, что дорогу осилит идущий. История о том, как трудно у нас в стране остаться независимым профессионалом: какую свободу, какой шик этот профессионализм дает, и как мало он ценится. История "Человека" — это история любви и предательства, как, впрочем, у любого театра. История уходов. И возвращений. Когда власти запрещали спектакли, еще можно было, хихикая, — как в "Стриптизе" — надеть пиджак наизнанку, подвернуть броюки и изобразить из себя рыбака, которому все все равно. Когда потом уходили свои, можно было потерять не только равновесие, даже сознание. Ушел во МХАТ, в Пятую студию, Козак со своими артистами, ушел Мокеев, ушел Женовач на Бронную. Они рвались в вольное плавание, мечтали о самостоятельной взрослой жизни на большой сцене. Они ее и получили...

Студия "Человек" — 25, и эта цифра уже не вызывает слез умиления — напротив, один только стыд. Стыд за себя и за тех, кто не умел жить так отчаянно, как жили они, кто чаще захаживал в этот подвал на праздники, в минуты триумфов.

Творчество противопоставлено тому, кто теперь хочет жить и, добавив, заниматься театром. Заниматься экспериментальным, некоммерческим театром сегодня в России — все равно что "петь для глухих". Смотрите спектакль "Человек" "Ночные бдения", автор Шеллинг — Бонавентура, в нем как раз говорится об этом. Но и о том, что петь для глухих — это настоящее занятие для поэтов. Отсюда это у "Человека" получилось — и петь, и быть услышанным? Причин, я думаю, несколько, но главная — у дома, в Скатертном есть хозяйка, Людмила Рошкова — человек, который занимается

театром 24 часа в сутки, не отвлекаясь на жизнь и на прочие мелочи. Для нее профессия режиссер — это диагноз, и так было всегда.

Она, как Феникс из пепла, возрождалась в ситуациях самых безвыходных. Ее собственная судьба (страшная автокатастрофа, возвращение благодаря врачам буквально с того света) выковала в этой маленькой женщине железный характер и неизменно на чем держалась фантастическую силу воли. Мне кажется, теперь ей не страшно в этой жизни ничего. Даже предательство. Даже непонимание и одиночество в профессии. Она четко умеет отделить главное от неважного. Она прямолинейна — не может смолчать, если видит фальшь, непрофессионализм, двуличие. Не умеет просить даже положенное. Не умеет протестовать даже объяснимое. Тщеславие, профессиональная суеверия, некритичное отношение к себе, почитание на лавах вызывают в ней брезгливость. У нее свой взгляд на Театр, от которого она ни за что не отступится, и свои принципы поведения в искусстве, которые современной молодежи, может быть, кажутся идеалистичными. Но как раз благодаря идеализму и вере, что обудется лишь то, чего страстно желаешь, студия "Человек" и выжила в обстоятельствах, которые другого бы давно похоронили.

О Рошковой говорили разное. Был период, когда восхищались, вспоминая ее запрещенные работы. Был момент, когда судачили: вот, мол, новое поколение режиссеров ставит в "Человеке" спектакли, делая студии славу, а ее художественный руководитель живет на проценты с этого успеха. Потом мальчишки-режиссеры ушли, стали мужчинами. Но мне кажется до сих пор, что именно их "человековская" юность — их самое жаркое воспоминание, а их "человековские" дебюты так и остались в биографии каждого создателями штучными и неповторимыми. "Звездный час" Козака, Мокеева, Женовача и других пробил именно здесь. Рошкова первой поверила в их талант, первой дала им

карт-бланш, первой с воодушевлением заговорила об их способностях, проявив, надо сказать, невероятную для главных режиссеров московских театров широту взглядов.

Когда-то я уже спрашивала Рошкову, почему студия называется "Человек"? "Ну не из-за пролетарского писателя, конечно", — хмыкнула она. "Значит, не прав Горький, сказавший, что "Человек — это звучит гордо"?". — "Должно звучать гордо. Может быть. Но для меня в слове "человек" таится какая-то страшная догадка. Кстати, это связано и с Богом, и с концепцией мира. Думаю, творец уже не раз досадовал на то, что ему удалось сотворить". А в прошлом году в интервью "НГ" она будто доформулировала и тему названия, и суть героя "Человека": "Это не тот человек, который звучит гордо. А тот, что мучается". Человек, его судьба и противостояние судьбе, его душа-потемки и неосознанная тяга к свету, его страхи и его сомнения для Рошковой являются центром театральной вселенной.

Героев "Стриптиза" звали Первый и Второй, героев "Эмигрантов" — АА и ХХ, в "Клопоморе" героями были Он и Она, в "Молитве" героев звали Фидо и Лильбе, но для нашего уха это звучало столь нереально и нематериально, что болезненно заменяло места именами — Он и Она. В "Ночных бдениях" и имена, и фигуры были столь же типическими: Шут, Актер, Девушка, Социнитель, Дилетант. Героями "Человека" оказывались как бы первые или последние люди на земле — после деградации или до цивилизации. Они казались и трогательными, и безобразными одновременно. Порой выглядели жалкими обывателями, но были людьми, имеющими право на любовь, — человек играющий и человек плачущий, совершающий выбор и остановившийся в сомнениях перед выбором, человек, способный на самопознание, самопожертвование, и человек, мучительно жаждущий самоидентификации. "Если я начинаю думать, я заблеваю", — говорил Аррабаль. Анамнезом этого забо-

левания, течением этой болезни и занимался всегда "Человек". Если в двух словах, то и биография студии, и тема всех ее спектаклей — это антология свободы и выбора, осознание жизни как памяти, а человека как рискованной случайности (снова по Аррабалу).

В сложном современном театральном потоке, порою похожем на грязевую сель, незыблемость таких островков экспериментальной свободы, как "Человек", как Театр ОКОЛО Юрия Погребничко, как "Театр" Алексея Левинского или даже Школа драматического искусства Анатолия Васильева, внушают определенный оптимизм в будущее режиссерского театра. Здесь не валяют ваныку, а занимаются существом театрального дела, как его понимают, — "темами для себя", экспериментами для себя, поисками новых форм театра. Занимаются, может быть, в ущерб стандартному благополучию, личной популистской славе, которую могли бы иметь как профессионалы высокого класса. В сущности, они и есть наш сегодняшний театральный авангард. Для театра они, как канарейка в шахте: висит клетка, поет птичка — значит кислорода пока что хватает и конец света откладывается. Почему, к примеру, сегодня они не пользуются у коллег должным успехом и пониманием — тоже понятно. Театральная критика в силу обстоятельств давно переориентировалась на театральную журналистику. Режиссеры, ведущие воз крупных стационаров, обязаны — или вынуждены — думать о дне сегодняшнем. Актеры в антрепризах — зарабатывать на жизнь, тоже сегодняшнюю. Их обидно отношение к студийному бессребрничеству — их форма защиты перед современным театральным капитализмом.

Иду пешком, со Скатертного, где находится "Человек", на "Пушки". Настроена, как всегда на этом маршруте, на некоторый пафос и правильную жизнь. Кое-что перевешиваю на жизненных весах. Не все так плохо, как кажется. Год спустя после юбилея "Человеку" все-таки удалось его справить. А 23 сентября даже открыл мини-фестиваль в честь повторения пройденного. И снова к полному изумлению старых поклонников "Человека", студия вступает в одну реку дважды: А. Феклистов и Р. Козак играют "Эмигрантов" М. Мокеева, а И. Золотовицкий, С. Земцов и сам Р. Козак (вместо уехавшего Г. Манукова) — "Чинзано", и на "Стриптизе", виденном раз сто, меня заставляют рыдать от хохота Валерий Гаркалин и Александр Андриенко. И снова в который раз я увижу деликатного и молчаливого Витю Платонова, обладателя "Золотой маски" (спектакль Резо Габриадзе "Сны о Волге"), который тем не менее остается главным художником "Человека" и самым верным соратником Людмилы Рошковой. Жизнь пробегает мимо человека, такая стремительная, что человек напрасно умоляет ее остановиться хоть на мгновение и сказать, чего она хочет и зачем на него смотрит... Какова цена всему этому бессмертию, друг, если после смерти парик бессмертнее человека, носившего его?" (Бонавентура). Пойдите к "Человеку", и вам подскажут ответ на этот вопрос.

Наталья КАЗЬМИНА